ЧАЙ,

ПО СТАРИННЫМЪ РУССКИМЪ СВѢДѢНІЯМЪ.

Д. Прозоровскаго.

Изъ журнала: «Домашняя Бесѣда.»

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА,
ВЪ ГЛАВНОМЪ АДМИРАЛТЕЙСТВѢ.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ 3 Декабря 1865 года.

Чай составляетъ одну изъ главныхъ потребностей современнаго человѣка. Въ настоящее время трудно найти въ Россіи уголокъ, гдѣ бы чай не былъ извѣстенъ. Чай пользуется расположеніемъ даже той касты русскаго общества, которая, въ своей слѣпой привязанности къ «старой вѣрѣ», поразила табакъ анаѳемою, какъ страшную ересь. При такомъ значеніи у насъ чая, любопытно узнать: былъ ли онъ знакомъ старой Руси?

Одни говорятъ, что чай появился въ Европѣ въ XVII столѣтіи; (1) другіе же утверждаютъ, что онъ ввезенъ въ Европу, вмѣстѣ съ фарфоромъ, въ 1590 году, а въ Англію попалъ уже въ 1666 году, и то не прямо изъ Китая, но изъ Голландіи. (2) Въ нашихъ памятникахъ до XVII вѣка, чай вовсе не упоминается, и даже посыланные въ 1567 г. въ Китай казачьи атаманы, Иванъ Петровъ и Бурнашъ Елычовъ, о чаѣ вовсе не говорятъ, а только, перечисливъ растенія и плоды, найденные ими въ Китаѣ—отъ цвѣтовъ и гвоздики до капусты и рѣпы—прибавили: «иныхъ овощей и мы не знаемъ, какіе овощи»; (3) вѣроятно, они видѣли чай, но не умѣли его назвать общепонятнымъ словомъ. Мнѣ неизвѣстно, говорили ли о чаѣ другіе, ѣздившіе въ Китай послѣ предъидущихъ посланцевъ. Въ 1654 году отправленъ былъ туда изъ Иркутска посланникомъ боярскій сынъ Ѳедоръ Исаковичъ Байковъ, который, въ своемъ статейномъ спискѣ, разсказавъ между прочимъ о томъ, какъ подносили ему китайцы чай, вареный съ молокомъ и коровьимъ масломъ, замѣтилъ, что «чай купятъ по 14 бакчи на лакъ», а потомъ,—что «чай родится на деревѣ, а купятъ батманъ чаю по два золотника» (золотниками Байковъ назвалъ китайскіе чины). (4) По духу, въ какомъ изложены эти отмѣтки, можно бы заключить, что Байковъ говорилъ о предметѣ довольно извѣстномъ, не возбудившемъ въ немъ той восторженности, съ какою французскій медикъ Жонке, въ 1658 году (слѣдственно, послѣ

(1) Сир. Энц. Словарь. т. XII, стр. 95.

(2) Настольн. Хронол. стр. 91 и 105.

(3) Сказ. Рус. Нар. т. II, кн. 8, стр. 185.

(4) Сказ. Рус. Нар. т. II, кн. 8, стр. 128, 130 и 132. *Бакча*=пакетъ, картузъ, вѣсомъ въ чинъ и иногда менѣе. Въ *лакѣ* 10 чиновъ; казенный лакъ=$8\frac{3}{4}$ русск. золотник., слѣдственно, чинъ =84 дол.; 16 лакъ есть *чинъ*, равняющійся $1\frac{1}{2}$ русскимъ фунтамъ.—*Батманъ*—10-фунтовой вѣсъ но батманы по мѣстностамъ различны: бухарскій—7 пудовъ 32 фунта, а хивинскій—48 фунтовъ.

путешествія Байкова), называлъ чай «божественнымъ напиткомъ»; а такое заключеніе могло бы опереться на извѣстіе о томъ, что въ 1674 году чай уже продавался на московскомъ рынкѣ, гдѣ шведъ Кильбургеръ, бывшій въ то время въ Москвѣ, купилъ фунтъ за 30 копѣекъ; но мнѣ не попадался ни одинъ актъ XVII вѣка, въ которомъ говорилось бы о чаѣ, наравнѣ съ другими продуктами, употребительными въ домашнемъ быту,—ни въ одной описи того вѣка я не встрѣчалъ слова *чайникъ*, безъ котораго надлежащее употребленіе чая немыслимо. Намъ только извѣстно, что чай считался тогда предохранительнымъ средствомъ противъ вреднаго вліянія заразительнаго воздуха и лекарствомъ отъ вина; стало быть, значеніе его ограничивалось спеціальнымъ употребленіемъ, какъ врачевства. Впрочемъ начальствующія лица, которымъ Байковъ давалъ отчетъ о своемъ путешествіи, могли и не удовольствоваться его замѣтками, но по неимѣнію теперь данныхъ нельзя ничего сказать о критическомъ ихъ воззрѣніи на этотъ отчетъ. Во всякомъ случаѣ, называя чай чаемъ, Байковъ даетъ намъ почувствовать, что слово это было не незнакомо для Русскихъ и не требовало какихъ либо особыхъ оговорокъ и поясненій.

Послѣ Байкова, именно въ 1676 году, былъ отправленъ въ Китай изъ Москвы, въ качествѣ посланника, состоявшій при посольскомъ приказѣ переводчикомъ еллино-греческаго языка грекъ, Николай Гавриловичъ Спаѳарій. Онъ возвратился въ Москву 5 января 1678 года, и въ томъ же году 13 ноября окончилъ обширное сочиненіе, въ которомъ, по китайскимъ и европейскимъ источникамъ, подробно описалъ китайское государство, изложивъ въ 59 главахъ историческія, географическія и статистическія свѣдѣнія собственно о Китаѣ съ Кореею и Японіею, и присовокупивъ три прибавочныя главы: 60-ю, заключающую въ себѣ пространное описаніе р. Амура, 61 и 62-ю о завоеваніи Китая Богдойскими татарами. Нѣсколько списковъ этого сочиненія находятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ; у себя я имѣю списокъ, изготовленный въ 1761 году для библіотеки фрейлины графини М. К. Скавронской; списокъ этотъ, по сличеніи съ прочими списками, оказался самымъ полнымъ. Между многими любопытными извѣстіями, въ сочиненіи Спаѳарія заключается довольно обстоятельное сказаніе о чаѣ. Это сказаніе для насъ особенно интересно тѣмъ, что указываетъ на значеніе въ Россіи чая, въ концѣ XVII вѣка. Описывая страну Кіангинъ или Нанкинъ, и въ ней четырнадцатый большой городъ Гоенхеу, Спаѳарій говоритъ: «трава чай «нигдѣ не родится такая, что здѣсь, и для того опишемъ, какъ родится. «Трава чай не древо есть, ни трава, но прутья, которыя во многихъ мелкихъ «прутьяхъ родится; цвѣтъ у нее желтоватъ, и лѣтомъ прежде цвѣтетъ, а «цвѣтъ немного пахнетъ; послѣ цвѣта будто бобъ маленькой растетъ въ «началѣ зелено, а послѣ черно; а ради варенья чаю сбираютъ листы первое «весновое мелкое, которое все руками потихоньку сбираютъ, а послѣ того «кладутъ въ большіе котлы и дѣлаютъ по маленьку огня подъ тѣ желѣзные «котлы, покамѣстъ нагрѣются листы чайные, и тогда на доску гладкую (кла-

дутъ или ссыпаютъ?) и руками тѣ листы крутятъ и опять на огонь кла- «дутъ, покамѣстъ вовсе скрутятъ и изсушатъ; и послѣ того кладутъ въ большіе «оловянники и берегутъ крѣпко отъ всякой мокроты, чтобъ не отдыхалъ. И «тѣ листы хотя долгое время стоятъ, однакожъ когда въ кипящую воду кла- «дутъ, опять тѣ листы чая озеленѣютъ и разойдутся по прежнему, и буде «есть доброе благоуханіе наполнитъ и озеленѣетъ; и когда привыкнешь— «гораздо укусно. И китайцы то питіе зѣло похваляютъ: сила и лекарство «отъ него всегда извѣщаетъ, потому что день и ночь они пьютъ и гостей «своихъ потчиваютъ. А тамъ разны чаи родятся въ Китаѣ, что есть чай «продается фунтъ по деньгѣ, а есть *часто* (въ другихъ спискахъ: *чай, что*— и это вѣрнѣе) продаютъ по два червонныхъ и больше. И китайцы говорятъ, «что для того у нихъ нѣтъ камчюжной (каменной) болѣзни, да камень, что «въ мочи родится, также послѣ ѣствы когда пьютъ, въ желудкѣ очиститъ «и ѣствы истребитъ; также на похмѣлье зѣло добро, потому что очиститъ «всякіе мокроты и всякіе похмѣльные спучи; также и тѣ, что хотятъ бодрство- «вати—писати и чести—нѣтъ лутчее чая, потому что всякой сонъ и лѣность «отгоняетъ. А имена розные у китайцевъ имѣетъ по разнымъ городамъ, «гдѣ родится, и для того въ томъ городѣ именуется *сугло* (въ др. сп. *сунгло*) «чай». Изъ этого описанія видно, что у насъ въ концѣ XVII вѣка еще не умѣли заваривать чая, и не знали, что для привыкшихъ онъ составляетъ напитокъ «гораздо укусный,» представлявшійся французамъ «божественнымъ». Если не умѣли заваривать чай, то, значитъ, приготовляли его иначе; изъ словъ же Спаѳарія: «ради варенья чаю» можно заключить, что чай буквально варили, чѣмъ уничтожался его «укусъ» и «божественность», а оставалось въ немъ то, что было «зѣло добро» съ похмѣлья и «для похмѣльныхъ спучей.» Справедливость такого заключенія подтверждается тѣмъ же Спаѳаріемъ, который сообщаетъ за новость о дѣйствіи кипящей воды на чай, указывая этимъ на надлежащій способъ приготовленія напитка не въ видѣ отвара, а въ видѣ настоя.

Сличимъ показанія Спаѳарія съ новѣйшими свѣдѣніями. «Сборъ чая (въ Японіи) и распредѣленіе его—дѣло довольно сложное. Снимая листья, отдѣляютъ простые отъ тѣхъ, изъ которыхъ можетъ выдти чай превосходнаго качества; срываютъ ихъ столько, сколько могутъ высушить до наступленія ночи. Сушатъ чай двоякимъ образомъ: сухимъ путемъ и мокрымъ. Первый способъ состоитъ въ томъ, что листья, безъ всякихъ приготовленій, поджариваются въ желѣзномъ сосудѣ, выбрасываются на цыновку и скатываются рукою. Операція повторяется разъ пять или шесть; при чемъ изъ листьевъ вытекаетъ желтый сокъ. Второй способъ состоитъ въ томъ, что листы предварительно обдаютъ паромъ, чтобы они завяли; потомъ свертываютъ ихъ рукою и сушатъ, перетряхивая въ желѣзномъ тазѣ. При такомъ приготовленіи листы теряютъ менѣе желтаго сока, сохраняютъ свѣжій зеленый цвѣтъ и удерживаютъ въ себѣ болѣе наркотическаго свойства. Изъ этого Зибольдъ заключаетъ, что черный и зеленый чай произведеніе одного и того же ра-

степія; вся разница происходитъ отъ способа приготовленія. Тоже говорили
г-ну Жансиньи въ Китаѣ, гдѣ вся разница зеленаго чая отъ чернаго со-
стоитъ въ приготовленіи, которое сообщаетъ зеленымъ чаямъ свойства, не-
совсѣмъ благопріятныя человѣческому здоровью». ([1]) Очевидно, Спаѳарій
узналъ первый способъ приготовленія; но похвалы его относятся къ настою
чая, приготовленнаго по второму способу. Слова его, относящіяся къ дѣй-
ствію чая на пищевареніе, подтверждаются сочиненіемъ покойнаго Іакинѳа
Бичурина, утверждавшаго, что Китайцы, «по окончаніи стола.... пьютъ по
чашкѣ крѣпкаго чая, который способствуетъ къ переваренію жирныхъ яствъ.» ([2])
Другіе отзываются, что «кромѣ возбуждающаго, чай имѣетъ питательное
свойство: говорятъ, онъ исцѣляетъ каменную болѣзнь, способствуетъ пище-
варенію, усиливаетъ кровообращеніе, производитъ обильную испарину и
возбуждаетъ дѣятельность умственныхъ способностей.» ([3]) И такъ Спаѳарій,
по возвращеніи въ Москву, далъ Русскимъ надлежащее понятіе о чаѣ. Безъ
сомнѣнія, первые уроки въ чаепитіи даны намъ имъ же, Спаѳаріемъ и
его спутниками, послѣ чего чай мало по малу сталъ распространяться, и,
вѣроятно, изъ тѣхъ его запасовъ, которые находились на московскомъ рынкѣ,
немалая доля сдѣлалась добычею чайныхъ питуховъ, конечно, явившихся
сперва въ богатомъ классѣ, обладавшемъ средствами испробовать, привык-
нуть и пользоваться «божественностью гораздо укуснаго» напитка.

Нельзя сказать, съ какою быстротою распространялось на Руси употреб-
ленія чая. По нижегородской таможенной явочной книгѣ, 1722 года, о то-
варахъ, явленныхъ купцомъ (гостиной сотни) Яковомъ Пушниковымъ, тор-
говавшимъ всевозможными предметами, заморскими и китайскими, чая въ
привозѣ не показано; ([4]) въ первомъ же тарифѣ, изданномъ въ 1724 году,
чай «всякій» значится въ привозѣ и отвозѣ, съ пошлиной: ввозимый 10 коп.,
а вывозимый 3 коп. съ фунта; ([5]) но тарифъ этотъ относился къ евро-
пейской торговлѣ; слѣдовательно, въ немъ упоминается чай, проходившій
моремъ, на иностранныхъ корабляхъ. Съ учрежденіемъ, въ 1725 году, Кяхты,
явилась возможность получать чай изъ первыхъ рукъ; но, по новости покуп-
щиковъ, сортировка едвали могла быть удовлетворительна. Первый тарифъ
по азіатской торговлѣ изданъ въ 1752 году; ([6]) изъ этого тарифа видно, что,
въ половинѣ XVIII вѣка, чай уже составлялъ одну изъ статей торговли съ
Китаемъ. Миллеръ, въ «Описаніи о Сибирскихъ торгахъ», напечатанномъ въ
1756 году, показываетъ чай въ числѣ китайскихъ товаровъ, проходившихъ
черезъ Сибирь, и выставляетъ цѣны, существовавшія на Кяхтѣ. Во время
бытности его въ Кяхтѣ, самый лучшій зеленый чай *Джуланъ* (по тарифу

([1]) Библіот. Путеш., т. II, стр. 148 и 149.
([2]) Китай, его жители и проч., стр. 169.
([3]) Спр. Энц. Словарь. т. XII, стр. 95.
([4]) Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древ. Рос. кн. II, смѣсь.
([5]) Пол. Соб. Зак. кн. Тарифовъ.
([6]) Тамъ же.

Жуланъ) стоилъ 70 рублей за цыбикъ въ $2\frac{1}{2}$ пуда, но потомъ вздорожалъ
до 80, 90 и 100 рублей (тогдашній рубль равенъ 115 копѣйкамъ нынѣш-
ней нормальной монеты 84 пробы). Тою же цѣною продавался чай *Монихо*,
(кит. *Монихуа*), смѣсь худаго Джулана съ цвѣтками жасмина. Джуланъ об-
ложенъ былъ тарифною пошлиною въ 250 к. съ фунта. Чай Лапховой, (кит.
Лапхуа), ординарный зеленый стоилъ 30 и 40 коп. за бакшту (бакчу) вѣсомъ
въ чинъ и менѣе. Чай *Моджанъ* продавался по 25 и 30 коп. за фунтовой
цыбикъ. Самый простой зеленый чай, *Лунганъ*, стоилъ 10 коп. за чинъ. Бак-
шту чернаго чая, *уи-чай*, (кит. *уи-ца*), покупали по 30 и 40 коп., а хоро-
шаго пудъ по 20, 30 рублей. ([1]) Чаи эти обложены были слѣдующею та-
рифною пошлиною: черный простой 80 коп., зеленый 50 коп., луганъ 20
коп. съ фунта. Такимъ образомъ, за полтораста лѣтъ назадъ, фунтъ луч-
шаго зеленаго чая стоилъ на Кяхтѣ не болѣе рубля, а фунтъ хорошаго
чернаго чая до 75 коп. Изъ этого едвали можно выводить заключеніе о
дешевизнѣ чая; скорѣе надобно полагать, что въ Россіи долго не пользова-
тись «божественностью» того сорта, который, при Спаѳаріи, въ самомъ Ки-
таѣ, продавался по 2 червонныхъ и дороже за фунтъ, и который съ пош-
линою и провозомъ долженъ былъ въ Москвѣ или Петербургѣ стоить бо-
лѣе 7-ми руб. фунтъ.

([1]) Ежемѣсячн. Сочин. на 1756 годъ, стр. 398.